

ВЕДОМОСТИ

МЕДИАТЕКА СОВМЕСТНО С

THE WALL STREET JOURNAL & FINANCIAL TIMES

Новый средний

Основой российского среднего класса становятся госслужащие — их уже больше половины. По структуре похоже на Францию или Скандинавию, зато идеология как у чиновников — не предприимчивость, а конформизм

Дина Юсупова
Пятница

02.02.2007, №18 (1792)

[Добавить отзыв](#) 3

[Блогерам](#) [письмо](#) [только текст](#)

Совладелец IT-фирмы Иван (имя изменено) пришел на собеседование в госкомпанию смеха ради: выбрал самый безграмотный, с обилием орфографических ошибок, отклик на свое резюме в Интернете. Однако когда потенциальные работодатели предложили интересное дело и согласились платить больше, чем он получал, Иван стал руководителем проектов государственной IT-компании (впрочем, и долю в бизнесе сохранил — об этом ниже). Это было больше года назад. «Я и тогда скептически относился к чиновникам, — говорит Иван. — Сейчас хуже. Доносы, подставы, безграмотность и нежелание работать — так не только у нас, но, судя по общению в форумах, в большинстве госструктур. А если бы люди знали масштабы воровства, они бы пришли и просто сожгли бы тут все».

Сегодня госслужащие не просто основа нашего среднего класса: они составляют уже больше его половины. Таков один из выводов аналитического доклада «Городской средний класс в современной России», представленного на прошлой неделе Институтом социологии РАН. Предыдущее исследование было проведено в 2003 году, и, по оценкам социологов, за это время произошли заметные изменения: доля среднего класса среди взрослого городского населения снизилась с 25 до 20%, процент предпринимателей в его составе сократился с 13 до 6%, а госслужащих, наоборот, вырос с 49 до 54%. Формально, говорят социологи, структура нынешнего среднего класса в России становится похожей на французскую и скандинавскую. Но только формально.

Как мерять?

Надо сразу сказать, что среди социологов нет единства в вопросе о том, что же такое средний класс, хотя он регулярно становится предметом их исследований. Взять хотя бы минимальный доход на члена семьи — как мерять? В ROMIR Monitoring считают, что нижняя планка — от 2-кратной величины минимального прожиточного бюджета, то есть от 300 долларов в 2006 году. В КОМКОН полагают, что в Москве это «не ниже 550 долларов». Кроме того, ROMIR Monitoring и КОМКОН исследуют средний класс в первую очередь в прикладных целях — как потребительскую группу, а специалисты Института социологии РАН хотят понять, сформировалась ли вообще в России эта социальная категория и каковы ее особенности.

Четыре критерия среднего класса были предложены еще накануне первого исследования, проведенного в 1999 году: наличие как минимум среднего специального образования, нефизический труд, уровень душевого дохода в семье не ниже среднего в регионе и оценка человеком своего положения в обществе не ниже 5 баллов по 10-балльной шкале. Тех, кому недостает хотя бы одного из перечисленных качеств, ученые назвали «периферией».

«Средний класс в России сформировался», — торжественно объявил директор Института социологии Михаил Горшков на представлении доклада в гостинице «Балчуг Kempinski». Перевод этих слов на немецкий тут же зашуршал в наушниках его коллег из Фонда им. Фридриха Эберта, помогавших в исследовании. Социологи и журналисты толпились в позолоченных дверях переполненного зала, чтобы услышать: характерная особенность нашего среднего класса не только в том, что его уровень жизни ниже по сравнению с западным (минимальный ежемесячный доход на одного члена семьи в России 10 427 руб., в Великобритании 2640 фунтов). Дело еще и в наличии очень обширной «периферии» — людей, которым не хватает одного из «классовых признаков», чтобы влиться в ряды middle class (в половине случаев это как раз недостаток доходов).

А самое интересное: в России, что вообще не характерно для стран с переходной экономикой, наблюдается

сокращение удельного веса “старого” среднего класса, то есть мелких и частных собственников, и увеличение “нового” — работников, владеющих навыками интеллектуальной деятельности. Уже сейчас более половины middle class в России составляют госслужащие, и если он будет расширяться, то, судя по исследованию Института социологии РАН, скорее всего, тоже за счет госслужащих: больше половины “периферии” — это работники бюджетной сферы, которые смогут “подняться” при условии успешной реализации нацпроектов или в результате обычного повышения зарплат.

Мы и они

Наш средний класс по сравнению с 2003 годом стал заметно меньше тратить на образование свое и своих детей, что кажется удивительным: как же тогда увеличивается доля “нового” среднего класса, для которого, казалось бы, повышение квалификации — это капитал? “Спрос на высококвалифицированных специалистов в регионах ниже предложения, — объясняет руководитель исследования Наталья Тихонова. — У нас в отличие от развитых стран выше образования ценится социальный капитал. То есть связи”.

Еще больше разница у нашего среднего класса и западного в представлениях о государстве, демократии и политической оппозиции. Как показывает исследование, российское государство представляется в глазах граждан генератором жизненных смыслов, а не арбитром, следящим за соблюдением правил. Больше половины респондентов считают, что государство должно отстаивать общенародные интересы перед интересами отдельной личности. 42% опрошенных безоговорочно и 45% частично разделяют экзотическое для европейца мнение: задача политической оппозиции — оказывать правительству помощь в работе, а не критиковать его.

Ведущий консультант ROMIR Monitoring Игорь Березин не согласен с большей частью выводов коллег из Института социологии РАН (например, говорит, что за последние пять лет численность среднего класса выросла вдвое). Однако некоторые тенденции Березин подтвердил. Правда, цифры у него другие: “То, что число госслужащих, получающих “нормальную” заработную плату, растет, — это факт. Предприниматели и их семьи в 2001 году составляли едва ли не треть среднего класса, а в 2006-м — около 10%”.

Еще год назад владелец компании, а с прошлой весны замруководителя территориального управления Федерального агентства по управлению особыми экономическими зонами по Московской области Алексей Коруков убежден примерно в том же. “При нынешней ситуации все большая доля среднего класса живет на зарплату, — говорит он. — А начать свое собственное дело стало гораздо сложнее, для этого нужен в разы больший стартовый капитал”.

А по мнению и. о. декана факультета социологии Высшей школы экономики Александра Чепуренко, эта тенденция — сокращение в составе среднего класса частных предпринимателей — проявилась уже в начале 2000-х гг. С одной стороны, это было связано с тем, что “в XXI веке формируется общество, отличное от существовавшего в первые кризисные и посткризисные годы. Тогда наблюдалась архаизация экономических отношений и массовое возникновение мелкого бизнеса как ответ адаптивной части населения на кризис на рынке труда”. “Сейчас, — говорит Чепуренко, — этот “старый” малый бизнес активно вытесняется более крупными фирмами и сетевыми компаниями, параллельно формируется слой новых профессионалов: фрилансеров, адвокатов, частнопрактикующих врачей, нотариусов и так далее. С другой стороны, — продолжает социолог, — укрепление властной вертикали породило усиление госкорпораций. Именно госпредприятия становятся самыми крупными и успешными в бизнесе, и в них, и вокруг них сформировалась и стала быстро расти новая социальная страта — менеджеры от государственного бизнеса, нечто среднее между чиновником, выполняющим инструкцию, и менеджером, который ориентирован не только на сохранение своего места, но и на рост дохода компании”.

Общественно полезные

Вообще госслужащий сейчас “стал многоликим”, замечают эксперты. По мнению секретаря политсовета СПС, завкафедрой права МФТИ и одного из разработчиков закона “Об акционерных обществах” Бориса Надеждина, сейчас не всегда можно отличить госслужащего от, к примеру, бизнесмена: “Если человек пришел работать начальником отдела налоговой службы и курирует фирмы, учредителями в которых является он или его родственники, то он кто? В принципе предприниматель на свой страх и риск. Но формально чиновник”.

По мнению Александра Чепуренко из ВШЭ, госслужащие, претендующие на роль ядра среднего класса в России, попали туда по совокупности ряда признаков, включая относительно высокие и открытые источники дохода. “Но при этом, — говорит социолог, — достаточно хорошо известно, что значимую часть доходов высшего и среднего звена госбюрократии составляет то, что на ученом языке называется рентными доходами — они извлекают доход из возможности использования бюрократических рычагов. Эти доходы нигде не учитываются, но на самом деле составляют основу их экономического ресурса наряду с предпринимательской деятельностью, ведущейся через родственников. Таким образом у нас формируется средний класс, который поддерживает стабильность особого типа, основанную на огромных теневых рентных доходах, извлекаемых благодаря включенности в формальную и неформальную государственную иерархию”.

Насколько мы поняли ученый язык социолога, “доходы, извлекаемые благодаря включенности в государственную иерархию”, — это в том числе взятки и “откаты”.

Новое дело

Айтишник Иван — один из немногих, кто легально сочетает работу в госструктуре и бизнес (он числится руководителем конкретного проекта, не госслужащим): он остается совладельцем частной компании, которой, кстати, направляет аутсорсинговые заказы, если с их объемом не справляются его специалисты на госпредприятии. “Я не рву на куски госкомпанию ради наживы, — объясняет Иван. — Просто при мне система начала работать”. В принципе Ивану нравится его работа: и интересно, и зарплата неплохая (хотя он не привел в госструктуру ни одного своего друга: “Там люди — волки, я год потратил на войну, меня выживали, такое другу не пожелаешь”). — К тому же Иван считает, что выполняет общественно полезную функцию: — Я занимаюсь информационной системой, которая делает прозрачными процессы расходования бюджетных средств. Сейчас деньги текут рекой в непонятных направлениях по разным причинам. Где-то из-за непрофессионализма, иногда просто из-за нежелания работать, ведь госслужба не стимулирует развитие: главное — устроиться, а потом не выгонишь. Я слышал, в Московском метрополитене работает около 500 бухгалтеров, хотя достаточно нанять одну аудиторскую компанию. А кто-то сознательно направляет деньги “не туда”. Был случай, когда один чиновник пришел ко мне и говорит: из-за ваших новшеств перестала работать моя схема, как теперь это обойти? Я с такими не разговариваю”.

Иван, работая в госструктуре, все же занимается тем же делом, что и в собственной частной компании. Алексею Корукову стать чиновником оказалось непросто: когда решил попробовать себя “в новом и сложном деле” по организации особой экономической зоны, компанию пришлось отдать в управление. Алексей, по его словам, до сих пор учится жить в новой среде, надеясь когда-нибудь начать действовать эффективно. Ну, а если не выйдет, вернется на свою прежнюю стезю: в свою старую или какую-нибудь другую компанию.

Постоянный адрес материала: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2007/02/02/120012>